

DOI 10.15393/j9.art.2019.5721

УДК 821.161.1.09“19”-31

Владимир Вячеславович Шадурский*(Великий Новгород, Российская Федерация)*

shadvlad@mail.ru

Поэтика образа Нила Сорского в произведениях Марка Алданова

Аннотация. В статье анализируется образ Нила Сорского в творчестве Марка Алданова. В романе Алданова «Бред» осмысляются некоторые аспекты «Предания» и «Устава скитской жизни» Преподобного. Алданову импонирует отношение старца к человеку, снисходительность и понимание причин греховности. Персонажи романа «Бред» соотносят свои представления о вере, о свободе, о вреде уныния с духовным завещанием Нила Сорского. В романе сопоставляются события конца XV и XX вв., средневековое ощущение конца света соотносится с современным автору предчувствием атомной войны. В XV в. точка зрения стригольников изменила гармоничное представление о мире средневекового человека — в XX в., в разгар «холодной войны», персонажи Алданова пытаются найти утешение и спасение в учении Нила Сорского. Включение в повествование рефлексии об учении старца и ереси стригольников существенно расширяет хронотоп романа «Бред», насыщает исторической и общекультурной событийностью. Алданов создает героев, преодолевающих трагический пафос бытия благодаря следованию этическим принципам старца. Писатель представляет учение Нила Сорского как современное, актуальное, считая его важной частью духовной культуры человека, пережившего катаклизмы революций и мировых войн.

Ключевые слова: Нил Сорский, Марк Алданов, литература русского зарубежья, рецепция, образ, мотив, хронотоп, политический роман

Для представителей русского зарубежья — религиозных философов, историков церкви, знатоков древнерусской книжности, объединенных высоким отношением к духовным традициям России, — обращение к учению подвижников православной церкви было естественным. В частности, В. В. Зеньковский, Г. П. Федотов, И. К. Смолич писали о деятельности одного из подвижников — Нила Сорского. По словам Г. П. Федотова, «в Ниле Сорском <...> обрело свой голос безмолвное пустынножительство русского Севера. Он завершает собой весь великий XV век русской святости.

Единственный из древних наших святых, он писал о духовной жизни и в произведениях своих оставил полное и точное руководство духовного пути» [Федотов, 1990: 166].

По мнению И. К. Смолича, Нил Сорский «развил и обосновал идею скитского житья, явился основателем русского старчества» [Смолич: 60] и только ему «дано русским православным народом имя “великого старца”» [Смолич: 69].

Сохранение преемственности традиций древнерусской книжности у писателей русского зарубежья осуществлялось по-разному.

Усиление интереса к православию для представителей старшего поколения эмиграции, оказавшихся в ранге «классиков» — А. М. Ремизова, И. С. Шмелева, Б. К. Зайцева — способствовало поиску новых тем и героев. Эти писатели все чаще обращались к именам русских святых, прославленных праведников, к летописям, сказаниям, апокрифам.

Среди писателей русского зарубежья М. А. Алданов (1886–1957) был известен как исторический романист, признавался «занимательным беллетристом, но никак не “классиком”» [Рогачевская: 106].

Рецепция древнерусской литературы в творчестве масона Алданова кажется совершенно неестественной и неуместной, несмотря на присутствие в произведениях писателя цитат из сочинений Нила Сорского и протопопа Аввакума. Однако исследователи пока к этому вопросу не обращались. Диссертации, посвященные творчеству Алданова, касаются преимущественно теоретических аспектов¹, а монографии и учебные пособия последнего десятилетия сведений о рецепции средневековой литературы в творчестве писателя не содержат².

Одно из очевидных обращений Алданова к наследию Нила Сорского обнаруживается в неопубликованной при жизни писателя статье «Введение в антологию “Сто лет русской художественной прозы”» (1943). В этой работе дается общая характеристика русской литературы, но внимание уделяется как стереотипам, предвзятым мнениям («говорят, что русская литература»³), так и элементам поэтики и даже конкретным цитатам. Говоря о русской литературе XIX в., Алданов обозначает ее специфические черты. Он сопоставляет пути развития

прозы в России и на Западе, находя истоки оригинальности творчества А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского в особом потенциале предшествовавшей им традиции — средневековых сочинениях, у «старых русских писателей» (1996, 166). По его мнению, у русской литературы был «огромный заряд “духовности”, уходящий далеко в глубину веков» (1996, 166). В качестве примеров, «заряжающих» своей энергией, Алданов приводит слова из «Поучения Владимира Мономаха», «Устава о скитской жизни» Нила Сорского, «Жития протопопа Аввакума». Впрочем, из сочинения Нила Сорского цитируются всего два фрагмента, но зато автор статьи выбрал те, в содержании которых проявлены заботливое сочувствие к человеку, искреннее сострадание, деликатная мудрость.

Алданов цитирует второй отдел «Устава...», а в нем, практически дословно, «Третий помысл — сребролюбия», направленный против страсти обогащения. Однако в алдановском воспроизведении текста Нила Сорского осуществлены незначительные замены некоторых слов (см. сравнительную таблицу).

Отрывок из статьи Алданова	Отрывок из Устава, изд. 1912 г. ⁴
«...Нил Сорский учил: “Не токмо же злата и сребра и имений ощаятися (избегать) подобает нам, но — и всяких вещей, <i>кроме нужных</i> потребности... Истинное же <i>одоление</i> сребролюбия и вещьлюбия — не точию не имети имения, но не желати то стяжавати”» (курсив мой. — В. Ш.) (1996, 166).	«Не токмо же злата и сребра, имѣнїи подобаетъ ощаятися намъ, но и всякихъ вещей, <i>развъ нуждныя</i> потребности... Истинное же <i>отдаленіе</i> сребролюбїа и вещьлюбїа не точию не имѣти имѣнїа, но ни желати то стяжати» ⁵ (курсив мой. — В. Ш.).

Это при том, что Алданов, используя исторические детали и чужие слова, был педантичным. Отмечая его точность в передаче любого факта, тем более исторического, А. А. Кизеветтер писал: «Здесь под каждой исторической картиной и под каждым историческим силуэтом вы смело можете пометить: “с подлинным верно”. Вы можете быть совершенно

уверены в том, что здесь тщательно обоснована на исторических данных каждая самонаименованная деталь» [Кизеветтер: 477]. И. С. Грабовски тоже высоко оценивала художественный принцип Алданова не изменять исторические факты: «Aldanov could not “invent”; everything he portrayed in his works had to have a firm basis in reality»¹⁾ [Grabowski: 3]. Стилю Алданова не свойственна литературная игра, поэтому допущенные им неточности, скорее всего, вызваны ошибками памяти или отсутствием возможности свериться с каноническим текстом. В анализируемом фрагменте Устава греховным признается не столько богатство, сколько вождение его. Неслучайно семантика глагола «стяжать» (*црк.* «стяжавати») актуализировалась в названии сторонников старца — «нестяжатели».

Героиню алдановского романа «Бред» (1954–1955) Наташу, которая читает книги о нестяжателях, отличает отсутствие желания приобретать, добывать, умение довольствоваться малым, жить духовным. Человек слаб, быть «нестяжателем» ему нелегко. Та же Наташа, человек особенной нравственной чистоты, испытывает неловкость из-за своей бедности: «Все ее вещи были дешевенькие. Только французские духи были очень дорогие: подарок Шелля»⁶.

Сам Алданов являлся выходцем из состоятельной семьи. Но в эмиграции финансовый вопрос оказался для него острым: «Печатаюсь, перевожусь, а между тем, только-только свожу концы с концами» (цит. по: [Суражский]). О «стесненном материальном положении» Алданова [Вишняк: 92], зависимости от гонорара после каждой литературной публикации было известно многим современникам. Е. Рогачевская писала, что «платили ему по более чем умеренным расценкам», «по нижней ставке» [Рогачевская: 106, 107]. При всем этом Алданов, признавая наиболее важными духовные ценности, помогал деньгами друзьям.

Стоит заметить, что в тексте «Введения в антологию...» цитата из сочинения преподобного Нила приводится сразу за цитатой из «Поучения Владимира Мономаха», напоминавшего о необходимости соблюдения чести. Алданов, правда,

¹⁾ «Алданов ничего не изобретал; все, что он изображал, имело непосредственную основу в реальности» (перев. с англ. мой. — В. Ш.).

несколько неточно цитирует этот фрагмент Поучения: «...Владимир Мономах, говоря о войнах, призывал русских воинов во время походов не “пакости деяти ни своим, ни чюжим, ни в селех, ни в житех, да не кляти вас начнут”» (1996, 166). Алданов мог допустить опечатку в машинописи, воспроизводя фразу «не дайте пакости деяти»⁷, но смысл изречения Владимира Мономаха сохранился.

Для писателя особенно важен этот порядок высказываний учителей нравственности, понимающих слабости, но заботящихся о достоинстве человека.

В алдановской статье цитируется еще один отрывок из третьего отдела Устава — размышлений Нила Сорского «О памяти смертной и Страшном суде».

Отрывок из статьи Алданова	Отрывок из Устава, изд. 1912 г.
<p>«Дым есть житие сие... Се бо зрим в гробы и видим <i>нашу</i> красоту безобразну и <i>без славы</i>... Зряще кости <i>обнаженны</i>, речем в себе: кто есть царь или нищ, славный или неславный? Где красота и наслаждение мира сего? Не все ли есть злообразие и смрад? И се <i>вся честная</i> и вожденная мира сего отнюдь в непотребстве быша и яко цвет увядшее — отпадоша, и яко синь мимогрядет: тако <i>разрушится</i> все человеческое» (курсив мой. — В. III.) (1996, 166).</p>	<p>«Дымъ есть житіе се <...>. Се бо зримъ <i>во</i> гробы и видимъ <i>созданную нашу</i> красоту безобразну и <i>безславу</i> <...> зряще кости <i>обнажены</i>, речем в себе: кто есть царь или нищъ, славный или неславный? Гдѣ красота и наслажденіа мира сего? Не все ли есть злообразіе и смрадъ? И се <i>всечестная</i> и въжденѣннаа мира сего отнудъ, в непотребство быша и яко цвѣтъ отпадоша увядше, и яко сѣнь мимо грядеть, тако <i>раздрушїся</i> все челоуѣческое» (курсив мой. — В. III.) (1912, 65–66).</p>

Алданов заостряет внимание на провидческих способностях старца. Нил Сорский обладает особым духовным даром — видением событий и ситуаций со стороны, из будущего, видением отстраненным и объективным, потому он «несколько опередил свое время — и не только свое» (1996, 166).

По словам архимандрита Иустина (Полянского), бывшего с 1875 г. ректором Костромской духовной семинарии, «преимущественным предметом наставлений преподобного Нила служит сокровенная духовная жизнь. Но верно ли у нас думают, что сокровенная духовная жизнь относится только

к отшельникам, скитникам? Нет и нет: это дело, необходимое и для всех — не только иноков, но и мирян православных, потому что все мы — в Крещении — умерли для жизни плотской и греховной, возродились в жизнь духовную, святую» [Иустин: 4].

Вопросами духовной жизни был обеспокоен и Алданов. Даже его принадлежность к масонству была, по словам М. Уральского, «не модной забавой или формой “полезного” общения, а духовным выбором» [Уральский]. Для Алданова, пусть и неверующего, жизненно важными могли оказаться сочинения Нила Сорского, проницательно оценивавшего человеческие слабости и проявлявшего деликатную снисходительность к естественной порочности человека.

Одним из комментаторов алдановского трактата «Ульмская ночь» удачно определена формула, которая помогает прояснить не сам факт цитирования чьих-либо сочинений, а некое сверхзначение цитируемого: «Алданов не пытается уточнить, о чем думал Декарт в ульмскую ночь. Он вообще старается понять не то, что *сказал* Декарт, но то, что *сказалось* им» [Федякин: 7]. Хотя написано это о Декарте, в отношении Нила Сорского можно произнести то же самое: Алданову важно понять символическое значение жизни старца, то, как его деяния и слова преобразовали или могли преобразовать мир. Пусть «свет жизни» Нила Сорского остался только в литературе и истории монашества, — это благодатный неугасимый свет, необходимый человеку в ситуации экзистенциального выбора. Обращение эмигранта Алданова к древнерусской литературе в 1940-е гг. обостряет его чувство оторванности от корней отечества, поиск самосознания.

Размышления Алданова о судьбе и счастье человека, о его предназначении, о духовных основах жизни проявляются в каждом произведении: «Aldanov does not believe in the immortality of soul and he rejects the doctrine of compensation in after-life. Consequently, he believes that, to achieve happiness, man has to be able to achieve it here on earth»²⁾ [Grabowski: 72].

²⁾ «Алданов не верит в бессмертие души и отвергает идею воздаяния в загробной жизни. Следовательно, он считает, что человек обладает возможностью достигнуть счастья здесь, на земле» (перев. с англ. мой. — В. Ш.).

Таким, не скорбящим и унижающим, а окрыляющим человека, наполняющим его жизнерадостностью оказывается учение Нила Сорского. Но сам факт цитирования Алдановым фрагментов Устава свидетельствует о присущей творчеству писателя духовной напряженности, о личных терзаниях, о той борьбе, которую Алданов вел внутри себя. Более того, устойчивость алдановского внимания к идеям автора Устава, как и в целом интерес к деятельности старца, подтверждается тем, что в 1950-е гг., работая над романом «Бред», писатель обращается не только к трудам преподобного Нила, но создает вымышленного героя — его родственника, унаследовавшего мирскую фамилию старца — Майков (Нил Сорский «происходил из боярского рода Майковых» [Замалеев: 84]) и изобретшего средство продления человеческой жизни. Однако если общество XV в. не стало жить по принципам, изложенным в «помыслах» Нила Сорского, заботившегося о спасении человеческой души, то общество XX в. оказалось не готово к принятию чудесного средства, продлевающего жизнь плоти, от профессора Николая Аркадьевича Майкова.

В романе «Бред», в полном виде опубликованном на английском языке в 1957 г. под заглавием «Nightmare and Dawn», подтекст древнерусской словесности и, в частности, сочинений Нила Сорского используется автором как средство характеристики персонажей и как способ увеличения длительности художественного времени. Н. Н. Горбачева, анализируя романы Алданова, объясняла такое «взаимное “вращение”» текстов о прошлом и настоящем» [Горбачева: 135] не интертекстуальной игрой, а тем, что «двойственная сущность и подлинное значение любого исторического феномена могут быть поняты только “в перспективе вечности”». «Историческое событие, — писала исследовательница, — “иррадирует” в будущее не на год и не на десятилетия, но на века. Для Алданова век XX является не столько следствием, сколько “иссяканием энергии” предшествующих эпох» [Горбачева: 136]. Неудивительно, что «Бред», один из последних романов писателя, воспринимается ею как роман-катастрофа, в нем «больной XX век знаменует собой начало заката человеческой эры» [Горбачева: 136]. Таким образом, расширение границ хронотопа алдановского

романа — это не обычный стилистический прием, а тенденция, связанная с пессимистическим мировидением Алданова. Но пессимизм Алданова не означает осознания мрачного и беспросветного бытия, «исторический пессимизм Алданова глубже толстовского» [Карпович: 287]. Это своеобразное предчувствие трагического исхода человеческого бытия, уничтожения как пространства, так и времени. Отмечая скепсис и пессимизм писателя, М. М. Карпович выразился так: «Алданов — гуманист, не верящий в прогресс. И это придает его мироощущению трагический характер» [Карпович: 287]. И. С. Грабовски тоже указала эту неизбежную зависимость творчества Алданова от пессимистического восприятия жизни: «The obsession with death is the most oppressive part of Aldanov's philosophy»³⁾ [Grabowski: 85]. Главный герой романа «Бред», разведчик Шелль, сохраняет эту инерцию пессимизма, хотя неожиданно возникшая любовь заставляет его на время усомниться во власти лжи и смерти.

Имя Нила Сорского возникает в эпизодах изображения бреда Шелля. Шелль — один из самых важных персонажей для всего романного творчества Алданова. Он напоминает вымышленного протагониста алдановской тетралогии «Мыслитель» — Штааля. Если Штааль помогает начать автору историческую романистику, то Шелль — завершить концептуальное очерчивание судеб истории в злободневном политическом романе.

Роман «Бред» полон сцен, в которых изображаются видения Шелля и его путешествия в разных временах и пространствах, их герой называет «привычным бредом». В бред он погружается после приема галлюциногенного снадобья и всякий раз перевоплощается в графа Сен-Жермена. День, проходящий в ясном сознании, мучителен для Шелля. Тем не менее, он обдумывает возможность выполнения задания для американской разведки, осознавая, что предложенный план тайного вывоза из СССР ученого Майкова смертельно опасен. Американской разведке Майков важен как изобретатель

³⁾ «Навязчивая мысль о смерти составляет наиболее тяжелую часть алдановской философии. Ее тень беспрестанно ужасает настоящее» (перев. с англ. мой. — В. Ш.).

средства для продления жизни. Но Шелль узнает и другие ценные, неожиданные для него подробности: Майков является родственником Нила Сорского и когда-то до Второй мировой войны был знаком с Наташей. Судя по алдановскому повествованию, персонаж Николай Аркадьевич Майков не только сохранил фамилию своего далекого «предка», но и прекрасно знал о его духовной деятельности. Такую информацию о Наташе читатель узнает от повествователя: «Это она слышала до войны от Николая Майкова. “Он ведь из семьи Нила и все это знает”» (471). Не случайно, наверное, что сама Наташа читает книги именно о времени жизни Нила Сорского и его деяниях. Шелль у Алданова — начитанный персонаж, он постоянно цитирует авторов на разных языках и вообще демонстрирует высокий уровень эрудиции и образованности. Возможно, те же книги о Ниле Сорском, что и Наташа, читал Шелль. Не случайно при общении с ней он вспоминает старца и даже в бреду произносит его слова. Имя преподобного Нила упомянуто и в кульминационной сцене бреда — в воображаемой беседе Сен-Жермена с Николаем Майковым. Руководствуясь содержанием этой «беседы», Шелль принимает решение не ехать в СССР и оставить Николая Майкова в покое.

Художественное время романа из-за видений Шелля усложняется, в нем перемешиваются приметы XVIII и XX вв., а в психологической атмосфере совмещаются искренние побуждения и корыстные интересы героев.

Упоминания Нила Сорского и его трудов встречаются в эпизодах, связанных с другим главным персонажем, — Наташей. Она, русская по происхождению, в 1941 г. была вывезена в Германию. После освобождения из концлагеря Наташа училась в Белградском университете и писала исследовательские работы. Она много читала, изучала историю, в частности, «писания нестяжателей», фокусируя свое внимание на Ниле Сорском. И этот интерес героини тоже относит читателя к событиям конца XV в. Увлечение Наташи средневековыми книгами на религиозные и монашеские темы удивляет Шелля:

«Были истории русской церкви митрополита Макария и Голубинского <...>. Было “Сказание о новоставшей ереси”, — Иосифа Волоцкого она не любила, но это тоже был полезнейший труд для первой диссертации. <...> Основная ее диссертация была “О первых проявлениях русского социализма в писаниях нестяжателей”» (467).

Вторая диссертация, которую Наташа писала «по заданию» Белградского университета, была посвящена Ленину. Находясь на острове Капри, она хотела описать период жизни, проведенный Лениным в гостях у Максима Горького. Очевидно, что попасть на этот остров Наташа смогла только по инициативе своего возлюбленного. С пребыванием героев на Капри связана актуализация и другого исторического времени — периода правления императора Тиберия. Автор романа сопоставляет события разных времен: жизнь жестокого тирана Тиберия на острове (начало I в. н. э.) соотносится с недолгим пребыванием здесь Ленина (начало XX в.), что усиливает политический контекст романа. Это сопоставление — окончание царствования римского тирана и первые ростки агрессивной теории будущего российского тирана — создают нелицеприятную аналогию преемственности деспотичной власти в разные эпохи. Ленин на райском острове Капри словно подхватил эстафетную палочку Тиберия и, проделав кровавый путь, передал ее более жестокому и более коварному, нежели Тиберий, правителю новой Советской империи — Сталину.

Постараемся понять, чем, кроме как университетскими задачами, мог быть предопределен исследовательский выбор Наташи, читающей «сводную книгу о стригольниках, жидовствующих, нестяжателях и иосифлянах» (471). О причинах усиления ее интереса к религии, истории монашества Алданов сообщает:

«О том, есть ли вечная жизнь, Наташа сама думала часто, особенно с тех пор, как стала кашлять. К тому, что историк называл рационализмом стригольников и жидовствующих, у нее симпатий не было» (471).

Однако по тексту романа невозможно определить, чью именно «сводную книгу» читает Наташа. Труды известных

историков (Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и др.) в повествовании Алданова не упоминаются. А потому соловьевская фраза о ереси, пришедшей в Новгород из Киева, названной им «смесью иудейства с христианским рационализмом» [Соловьев: 185], не становится предметом осмысления Наташи. Но чтение этой «сводной» книги отразилось на ее эмоциональных предпочтениях — Наташа не приняла «безутешности» учения стригольников и жидовствующих:

«Не могла понять, *что* эти люди предлагали, какое утешение, и зачем писать безутешные, безотрадные книги: “На что тогда их Аристотель и их звездозакония?..”» (471).

Человеческие качества, особенности воспитания и образования преподобного Нила привлекли внимание Наташи. Кроме духовного делания, Нил Сорский отличался и другими достоинствами, которые были небезызвестны автору «Бреда». Как отмечает Е. В. Романенко, «привычка к постоянному “книжному учению”, точность и аккуратность в любом деле — эти яркие черты преподобного Нила были выработаны им, видимо, еще в годы дьяческой службы» [Романенко: 7].

В круг чтения Наташи попал труд Е. Е. Голубинского «История русской церкви», изданный в полном объеме в 1900-е гг. Отметим, что Голубинский, представитель так называемого критического направления церковной историографии, высказался в поддержку позиции Нила Сорского по вопросу устройства религиозного быта. Вероятно, проникнувшись учением Нила Сорского о монастырской жизни, в тяжелые минуты героиня думает о своем спасении в монастыре. В одном из эпизодов романа, едва допустив мысль о возможном предательстве возлюбленного, она переживает сильный стресс. Считая свою жизнь обреченной, героиня мысленно направляет себя в обитель — для покаяния:

«Наташа вдруг почувствовала сердечную боль. <...> У нее вдруг полились из глаз слезы. Уже через час после того она и понять не могла, что такое с ней случилось. Но теперь самые странные, самые неожиданные мысли вдруг ею овладели. “Неужто ошибка? Неужто все было ошибкой! <...> что же теперь делать? Уйти в монастырь! <...>”» (644).

Однако она нашла причины отговорить себя от ухода: «В какой монастырь! Нет тут православных монастырей... И я люблю его...» (644).

Еще одним возможным предметом чтения Наташи мог стать историко-литературный очерк А. С. Архангельского [Архангельский]. Е. В. Романенко называет эту работу первым основополагающим трудом об эпохе и взглядах Нила Сорского:

«Для “лучшей” части еретичества, по мнению Архангельского, были характерны критика внешней обрядности, стремление к внутреннему совершенствованию, большая духовность; этим они оказались близки к Нилу Сорскому, который “внешнеобрядовой религиозности и искусственным приемам монашеского аскетизма противопоставлял евангельскую почву “духа и истины” и требовал внутреннего “умного” самосовершенствования» [Романенко: 276].

Другая особенность учения Нила Сорского, к которой мог быть расположен Алданов, — это вера в лучшее, вера в силу любви, умение утешать. Именно поэтому морально больному, порочному Шеллю противопоставляется спасающая его и приподнимающая над суровой реальностью «тургеневская девушка» Наташа. Она умеет прощать, быть снисходительной: «Во-первых, я всех люблю... <...>. А во-вторых, он хороший человек, хоть с недостатками, как все мы» (648). О значительной разнице душ Наташи и Шелля читатель узнает только из внутренних монологов героя. Среди классиков она особенно выделяет Тургенева, которого не любит Шелль: «Вот у них у всех, у Толстого, у Тургенева, у Чехова, есть и жестокое, но преобладает доброе» (660). Она ценит Нила Сорского больше всех иных духовных наставников, мысленно называя его по имени, обращаясь к нему ласково, как к родному и близкому человеку, как к надежному отцу: «...она нежно любила нестяжателей, особенно Нила, который ушел на реку Сору от злообразия мира» (471).

И как религиозная личность, и как духовный писатель Нил Сорский, безусловно, был для Алданова учителем жизни. Преподобный «умной» молитвой достигает того, чего не может ни один герой Алданова, не может, к своей горечи, и сам автор — «любовь преподобного Нила исключает осуждение,

хотя бы вытекающее из ревности о добродетели» [Федотов: 173]. Достигнуть молчания ума, его сосредоточенности в глубину сердечную — задачи в художественном мире алдановских произведений почти невыполнимые. Одной героине романа — Наташе — удастся их выполнить: она обретает божественную радость, преодолевая думы о смерти. Но не узнает этой радости ее возлюбленный — Шелль:

«Вспоминал самое страшное, самое постыдное в своей страшной и постыдной жизни. “Изменилась душа? Это бывает не чаще, чем меняется пол!” — подумал он и, как с ним бывало прежде, почувствовал, что душа его пуста, пуста, совершенно пуста» (665).

Шелль фатально отравлен знанием человеческих страстей, тайных душевных механизмов, ему невозможно вытеснить все это из души, но ему повезло встретить Наташу, которая своей одухотворенностью развила в нем способность к самоочищению:

«Главное для человека — приложиться к чему-нибудь, к семье, к службе, к карьере. Теперь приложился, и слава Богу... Вся моя жизнь была бред <...>, всё бред. И то, что в мире происходит, тоже бред, как только они не замечают? И какой скучный» (653).

В финале романа Шелль становится более снисходительным к людям: «“Сама Наташа — ангел. Полковник № 1 просто хороший человек, советский полковник тоже недурной, хоть полоумный...”» (664). Снисходительным (правда, на время) становится и еще один герой алдановского «Бреда» — полковник № 2 — советский разведчик. Разумеется, если изменение Шелля можно связать с воздействием на него молодой одухотворенной жены, то перемены в полковнике не могут быть объяснены ни влиянием любимой женщины, ни религией, ни учением Нила Сорского, а только достигнутым успехом и принятым решением оставить службу. Но в том-то и дело, что, когда вместо успеха — провал, а вместо вожденной генеральской пенсии грозит служебное наказание, снисходительность униженного полковника может легко превратиться в грубость, ведь у него нет той одухотворенности, которая свойственна Нилу Сорскому.

Но мягкость, снисходительность Нила Сорского не означают отсутствие внутреннего стержня⁸. И кроткая любовь Нила не исключает мужественной борьбы за истину. О сильной воле, необходимой, чтобы отстоять душу в духовной борьбе, говорится в Уставе:

«Несть убо добре еже всем человеком хотети угодно быти. Еже хоцещи убо избери: или о истине пещися и умерети ее ради, да жив будещи во веки, или яже суть на сласть человеком творити и любим быти ими, Богом же ненавидимым быти» [Предание и Устав: 173].

Такая готовность к отстаиванию истины обрекала Нила и его учеников на скорбный путь. Но этот путь не стал причиной уныния. И Наташа, словно избегая признания горестей жизни, в финале романа читает «Шестый помысел уныния» Нила Сорского:

«Лют сей дух и тяжчайши есть, съпряжен сущь и споспевающи духу скорбному, — читала об унынии Наташа. — В безмолвии сущем сиа рать зелне належит. Егда волны оны жестокия въстанут на душу, не мнит человек в той час избавление от сих приати когда... Яко же бо и той злолютный час не мнит человек, яко претерпеть ему в подвизе жительства благаго, но вся благаа мерзостна показует ему враг...» (667).

В сочинении Нила Сорского «О восьми главных страстях и победе над ними» в части «VI. Против духа уныния» сказано:

«Лют сей дух — дух уныния; а совокупляясь с духом скорби и чрез него подкрепляясь, он становится лютее и тягостнее. Он нападает с наибольшею силою против живущих в безмолвии. Когда воздвигнутся на душу жестокие волны уныния, человек теряет надежду видеть конец их <...>. Как в злолютый оный час человеку представляется невозможным пребывать долее в своем месте, в своем устроении и деле, враг все, даже самое доброе показывает ему в виде отвратительном...»⁹.

Наташа, читая этот фрагмент и вспомнив о своей болезни, пришла к выводу:

«Как верно, как хорошо! Так и буду жить, не поддаваясь, и не будет злолютного часа...» (667).

В романе Наташа пишет исследование о стригольниках и нестяжателях, но учение старца настолько проникает в ее впечатлительную натуру, что заряжает ее энергией, придает воодушевленное настроение, определяет благожелательное поведение. Об этом свидетельствует внутренний монолог Наташи:

«О чем я думала? Да, что я теперь для себя ничего не могу желать и не желаю: лишь бы всё было так, как теперь, только совсем выздороветь, больше ничего. И людям, всем людям, желаю того же: чтобы никто не знал нужды, чтобы не было неизлечимо больных, чтобы никто из-под кнута не работал на подземных заводах, чтобы везде были сады и вот такие дома отдыха, книги, добрый труд и, главное, чтобы у каждого был любимый, нежно любимый человек, как у меня. Это и будет жительство благое...» (667).

От исследовательского интереса к наследию Нила Сорского Наташа приходит к вселенскому желанию добра, счастья и любви, а испытание ее любви — это чувство к весьма противоречивому Евгению Шеллю, который неожиданно для самого себя меняется в лучшую сторону.

В отличие от всех персонажей алдановской прозы образ Наташи — это образ человека верующего и совершающего добрые поступки. Один из ее внутренних монологов говорит о твердости духа, помогающего ей преодолевать страдания, сомнения в людях, переживать «припадки»: «Ничего хуже прошлого случиться не может. Бог меня не забудет и все мне зачтет!» (456). Наташа уже видела опустошающий ужас мировой войны, но у нее сохранились силы верить в лучшее, силы любить, создать семью, желать новой счастливой одухотворенной жизни.

Как добросовестный исследователь, выполняя учебные задачи, она читает труды историков русской церкви и монашества. До войны она только слышала от Николая Майкова, что «к восьми главным человеческим порокам Нил Сорский причислял печаль и уныние» (471). Теперь же сочинения преподобного Наташа открывает и тогда, когда решает укрепить свою жизнерадостность. В алдановском повествовании сочинения Нила Сорского «Предание» и «Устав скитской жизни» упоминаются как части одного издания: «Так и теперь

Наташа прочла несколько страниц из книги, остановилась на цитатах из “Предания и устава”, и ей стало еще радостней» (471). Книгу героиня читает не от тоски, а в предвосхищении радости.

Таким образом, обращение автора к учению еретиков расширяет хронотоп романа, связывая последствия распространения еретической точки зрения, к которым пришло общество половину тысячелетия назад, с катастрофичным характером жизни человека в середине двадцатого столетия. Во многом учение стригольников выступило разрушителем гармонии средневекового верующего человека, оказалось попыткой персонализации, отделения личности от целого.

Такой «безутешностью» было наделено и все мировидение Марка Алданова. Оно объясняется не столько эмигрантским феноменом, сколько состоянием пострадавшего в XX в. гражданина России — обманутого обстоятельствами и подавленного ужасом исторических событий. «Aldanov is overwhelmed by a constant horror of death which to him becomes the embodiment of the infinite evil existing in this world»⁴⁾ [Grabowski: 85]. Образы его мрачных персонажей (Ламор в тетралогии «Мыслитель», Браун в трилогии «Ключ» — «Бегство» — «Пещера») — это образы людей, зачастую не нашедших поддержки, разочарованных в религии, в возможности нравственного усовершенствования. Вот и главный герой «Бреда» — шпион Евгений Карлович Шелль, человек, вынужденный жить в постоянной лжи, с «острой неврастенией» (644).

В подтексте романа остаются и скрытые от посторонних поступки Шелля, человека азартного, любящего острые ощущения и, возможно, способного на убийство, ведь не случайно Наташе до свадьбы казалось, что он мог быть «страшным» и вызывать «безотчетную тревогу» (463). Душа Шелля — это душа разочарованного интеллектуала. Полковник американской разведки, предлагающий работу Шеллю, весело замечает: «В старых романах о вас было бы, верно, сказано, что вы “человек с опустошенной душой”» (417). Душа Шелля наполнена ложью. Даже в отношении к женщинам, до встречи

⁴⁾ «Алданова потрясает постоянный ужас смерти, который для него становится воплощением огромного зла, существующего в мире» (перев. с англ. мой. — В. Ш.).

с Наташей, Шелль пользовался услугами легкодоступных красоток (две недели он был «влюблен» в Эдду) и воспринимал себя всего лишь любовником, более того, свою поездку на Капри обосновывал желанием соблазнить Наташу. Он, человек необыкновенных способностей, ума, прозорливости, точных и справедливых оценок, настолько долго являлся агентом нескольких разведок, настолько далеко запрятал историю своего происхождения, свое настоящее имя, настоящие чувства и мысли, так долго говорил на нескольких европейских языках, что даже боится признаться себе, что он русский и родом из Петербурга. Но именно ангельски чистой Наташе, подавить душу которой оказались не властны ни большевики, ни нацисты, ни страдания, связанные с ними, — такой Наташе, которую он встретил впервые в жизни, Шелль боится открыть даже самую малую часть себя. Наташа боится допустить мысль о возможном обмане: «Правда лишь то, что он никогда о себе не говорит» (472). Он слишком ценит свободу и возможность сохранить личность от чужого взгляда, от чужого влияния. Не случайно Шелль так любит отмечать тлетворное, на его взгляд, воздействие Достоевского на читателей: замороженные, они попадают во власть его идей и образов. Ф. М. Достоевский — один из духовных ориентиров человечества, но алдановский герой относится к автору «Идиота» свысока по причине особой заразительности и влияния его творчества. Эту черту персонажа Н. Н. Горбачева называет «патовой», не дающей возможности сделать ход, ведущий в будущее: «Отказ XX века от культурных ценностей и нравственных ориентиров прошлого обозначен также в отчетливом пародировании классического сюжета (игра на “снижение” в проблемы и сюжетные положения “Преступления и наказания” Ф. Достоевского)» [Горбачева: 137].

Согласно Алданову, бред, который создает человечество в двадцатом столетии, оказывается непреодолимым; спасительного пути, очищающего сознание человека и возвращающего его к разумной трезвости, не обнаруживается. Рационализм ереси XV в. ничего, кроме безотрадности существования, не несет, рационализм XX в. оказывается способен довести цивилизацию до самоуничтожения ядерным оружием. Именно потому так важен подтекст романа, формируемый

отсылками ко времени жизни Нила Сорского: позиция старца, которого так любит Наташа, выглядит спасительной, его «созерцательное настроение» [Смолич: 60] по своему характеру жизнеутверждающее, и через это настроение героя романа обретает противодействие печали и унынию.

Таким образом, аллюзии на сочинения Нила Сорского и его эпоху, проявление в тексте романа еще более древней истории — правления Тиберия — дают возможность Алданову существенно расширить контекст прошлого, каким бы трагичным и мрачным оно ни было. Но культурный контекст современности, напротив, сужается и мельчает.

Среди иных причин, побудивших Алданова обратиться к наследию Нила Сорского, могло быть особое отношение старца к свободе и проблеме власти. Алданов из-за желания быть свободным эмигрировал и впоследствии анализировал творчество писателей старшего поколения с точки зрения их отношения к свободе; по степени независимости мысли и поведения он выделял только А. И. Герцена и Л. Н. Толстого. По Алданову, отношение к свободе русские писатели могли формировать и под воздействием такой свободолюбивой и тем самым совершенно не характерной для средних веков позиции Нила Сорского:

«Через все воззрения Нила Сорского проходит одна общая идея — идея свободы. <...> В воззрениях Нила открываются для русской мысли начала живой деятельности, начала более свободного и разумного развития русского народа» [Жмакин: 33].

Этот особый в отношении к свободе высокий статус Нила Сорского отмечают разные исследователи: преподобный Нил был «предшественником вольнолюбивого течения русской интеллигенции» [Бердяев: 11]; «от всей его личности веет необычайной духовной свободой» [Смолич: 60]; «все направление, идущее от Нила Сорского <...> свободно от <...> церковно-государственной идеологии...» [Зеньковский: 52]. Интуитивно и сам Алданов, и его герои тянутся к подобному пониманию свободы, однако глубокого постижения учения Нила Сорского у них не происходит, остается только эстетика чувства, вера не обретается.

Алданову всегда были интересны яркие, неординарные для своего времени личности, с независимыми суждениями и даже не вполне понятными поступками. И персонаж «Бреда», Шелль, — тоже образ человека оригинального, который называет себя «разведчиком-психологом» (416), изучающим личность человека. Шелль в первую очередь представлен читателю как скептик по отношению к модному в Европе экзистенциализму (идеями его якобы увлечена любовница Шелля — Эдда), во вторую — как непримиримый антибольшевик; можно только догадываться, при каких обстоятельствах он покинул Россию, если его брат оказался в подвале Лубянки, в «Корабле смерти». Шеллю открывается духовная связь, возникшая через половину тысячелетия: связь между деятельностью Нила Сорского и делами его родственника — советского ученого Майкова. Майков изобретает средство для продолжения жизни вопреки всем обстоятельствам, но в условиях внутренней свободы, той духовной свободы, в которой пребывал когда-то его давний родственник — Нил Сорский.

Сюжетные линии других героев оканчиваются печально и даже трагично. На этом фоне мечты Шелля и Наташи, пусть ненадолго, но выглядят исполнимыми, их воплощение выстрадано и одухотворено:

«Нет, все это не так, Петр Ильич, — мысленно отвечал он Чайковскому. — Через все авантюры прошел граф Сен-Жермен и попал в тихую пристань... Вы ошибаетесь, Петр Ильич, есть в жизни радости, и большие, и малые. Быть может, есть даже счастье» (668).

Вера Нила Сорского дает этим алдановским персонажам силы бороться с унынием, а победа в такой борьбе делает их целостными, убедительными.

Главные герои у Алданова, причем как вымышленные (Ламор, Браун, Лейден, Штааль), так и исторические (Байрон, Ломоносов, Суворов), зачастую ощущают свое одиночество. Но оно не возводится в культ, персонаж его не лелеет, напротив, он ищет средства, чтобы избыть уныние, но часто не находит этих средств. В целом в творчестве Алданова сильно выразились симптомы болезни умного, совестливого, доброго человека, который расположен к традиции, но не находит

опоры в религии, ощущает катастрофу будущего. В возможности преодолеть уныние с помощью сокровенного слова Нила Сорского и есть та скрытая искра, которая способна вызвать горение души.

Алданов писал роман «Бред» в то время, когда человечество с ужасом ожидало новой мировой войны — атомной, способной вмиг уничтожить сотни тысяч человек. Изобретение атомной бомбы и применение ядерного оружия в Японии глубоко потрясли писателя. Мысли о последней войне человечества, которая может начаться в любой момент, не покидали его со времени бомбардировки японских городов. Это запечатлено во многих письмах. Так, Алданов пишет Я. Г. Фрумину 10 августа 1945 г.: «События меня потрясли. Я совершенно растерян атомной бомбой»¹⁰; «Об атомной бомбе. Кстати, она потрясла больше, чем война и революция 1917 года»¹¹. Позднее этот период истории назовут началом «холодной войны». Почти 5 лет спустя, уже находясь во Франции, Алданов в письмах снова проявляет свою одержимость ужасом возможной войны. Так, 15 июля 1950 г. он пишет Погребецким: «Если войны не будет <...>. Если же война будет...»¹²; 4 декабря 1950 г. — А. И. Погребецкому: «Если война начнется до 12 января (такая возможность не исключается), то все пароходы или места на них будут немедленно реквизированы, и мы тогда окажемся в западне»¹³.

В романе Алданова смысл сочинений Нила Сорского предельно актуализируется, но воспринимается его персонажами по-разному. Наташа интуитивно ощущает внутреннюю потребность в учении старца, чье слово приобретает спасительный характер, убеждая ее в необходимости веры. Шелль, напротив, относится к вере и исследовательскому интересу Наташи как к признакам ее чудаковатой, но милой русской натуры; все это его не отталкивает, но заставляет задуматься, остановиться на грани безысходного отчаяния.

Духовные искания героев Алданова внешне схожи с религиозным чувством, но на мировоззренческом уровне самого автора эти метания души отвергаются, разум и память не позволяют достичь жизнерадостности, остается ощущение оставленного, брошенного человека — весьма трагичное

состояние и для нашего времени. Алданову импонирует отношение Нила Сорского к человеку, снисходительность и понимание причин греховности. Персонажи писателя пытаются найти утешение в учении старца, найти способы обретения спасительной целостности.

Благодаря включению в повествование рефлексии о сочинениях и подвижнической деятельности Нила Сорского хронология романа «Бред» существенно расширяется и сам текст Алданова приобретает черты, обогащающие жанр политического романа историческими и провиденциальными, эсхатологическими мотивами. Это обстоятельство дает повод не согласиться с И. С. Грабовски, назвавшей роман «Бред» «probably the weakest work by Aldanov»⁵⁾ [Grabowski: 26]. В романе Алданов не изменяет принципам добросовестного исторического романиста, но вместе с тем сохраняет статус вдумчивого аналитика общества, который в художественных образах запечатлевает психологию современников. Более того, он становится публицистом, выражающим злободневную обеспокоенность судьбой человечества, философом, осмысляющим трагичные следствия человеческого прогресса. Писатель обратил внимание на изменение сознания и сдвиги в поведении общества разных эпох — средневековья и современного ему XX в. События русской революции 1917 г., по поводу которых традиционно рефлексировал писатель, ушли из центра повествования и выступили подспудно, но по-прежнему оставались основой российских и мировых трагедий.

В романе «Бред» автор создал не образ исторического героя, как это он часто делал в своих предыдущих романах, но показал, как идеи и слова подвижника воспринимаются современниками. Герои романа (Николай Майков, Наташа) приближаются в своих нравственных устремлениях к Нилу Сорскому, преодолевают трагический пафос бытия.

Писания преподобного Нила, цитируемые в различных текстах Алданова, создают духовную альтернативу событиям современной цивилизации, несут в себе «заряд духовности» и добра.

⁵⁾ «Возможно, слабейшим произведением Алданова» (перев. с англ. мой. — В. Ш.).

Примечания

- ¹ См., напр., диссертацию Ю. А. Орловой [Орлова] и С. К. Пестерева [Пестерев].
- ² См., напр.: [Макрушина], [Лагашина], [Бобко], [Шадурский].
- ³ Алданов М. А. Вековой заряд духовности. Две неопубликованные статьи о русской литературе («Введение в антологию “Сто лет русской художественной прозы”» и «Современная русская литература») / вступ., подгот. текстов и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 12. С. 166. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием года издания и страницы в круглых скобках.
- ⁴ Предание и Устав. [Соч.] Нила Сорского / вступ. ст. М. С. Боровковой-Майковой. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1912. [4], XL, 92, XXXI с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/01003794187> (16.03.2018).
- ⁵ Там же. С. 47.
- ⁶ Алданов М. А. Повесть о смерти. Бред. М.: Гудьял-Пресс, 1999. С. 467. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁷ Поучение Владимира Мономаха // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси). М.: Худож. лит., 1969. С. 154.
- ⁸ Так, в романе другого писателя-эмигранта начала XX в. И. Ф. Наживина «Кремль» Нил Сорский представлен очень предусмотрительным знатоком человеческих душ и принципиальным «сердцеведом»: «И не должны мы давать сбивать себя с пути нашим же мыслям, а в особенности беспокойному сердцу нашему. Большинство людей не чует сердцем пустоты мира сего. Они радуются преходящими радостями его» (Наживин И. Ф. Собр. соч.: в 3 т. М.: Терра, 1995. Т. 3. С. 207).
- ⁹ Нил Сорский. О восьми главных страстях и победе над ними [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2346> (16.03.2018).
- ¹⁰ «Они служили своим идеям, и служили им с честью...»: (Из политической переписки М. Алданова) / подгот. текстов, примеч. и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 6. С. 129.
- ¹¹ Там же. С. 129.
- ¹² М. А. Алданов — Погребецким, 15.07.1950 («...Интерес к вам есть...») (неосуществленные проекты поездки М. А. Алданова в Израиль и его издания на иврите) / публ. А. А. Чернышева; вступ. заметка и коммент. В. Хазана // Архив еврейской истории / гл. ред. О. В. Будницкий. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. Т. 6. С. 247.
- ¹³ Там же. С. 259.

Список литературы

1. Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев: Их литературные труды и идеи в Древней Руси. — СПб.: Тип. И. Вошинского, 1882. — Ч. 1. — 320 с.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. — Париж: YMCA-PRESS, 1971. — 258 с.

3. Бобко Е. И. Традиции Л. Н. Толстого в исторической романистике М. А. Алданова. — Саратов, 2011. — 180 с.
4. Боровкова-Майкова М. С. Нил Сорский // История русской литературы: в 10 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. — Т. II. — Ч. 1. — С. 317–322 [Электронный ресурс]. — URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/default.asp?feb/irl/il0/il0.html> (22.10.2018).
5. Вишняк М. В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. Блумингтон: Индианский университет, 1957. — 336 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://imwerden.de/pdf/vishnyak_sovremennye_zapiski_1957_text.pdf (22.10.2018).
6. Горбачева Н. Н. XX век в прозе М. Алданова: постановка проблемы // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры. — Тюмень, 1997. — Вып. 3. — С. 134–138.
7. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. Часть I // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — 1881. — Январь-Март. — Кн. 1. — С. 25–80.
8. Замалеев А. Ф. Интуиции русского ума: Статьи. Выступления. Заметки. — СПб.: Университетская книга, 2011. — 216 с.
9. Зеньковский В. В. История русской философии. — М.: Академический Проект, Раритет, 2001. — 880 с.
10. Иустин, архимандрит. Вместо предисловия // Преподобный Нил Сорский. Устав о скитской жизни. — [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. — С. 3–4.
11. Карпович М. М. [Рец. на кн.:] Алданов М. Истоки. — Париж: YMCA-Press, 1950. — Т. 1–2 // Новый журнал. — 1950. — Кн. 24. — С. 286–288.
12. Кизветтер А. А. Алданов. «Чертов мост» [Рец. на кн.:] Алданов М. Чертов мост. — Берлин: Слово, 1925 // Современные записки. — 1926. — № 28. — С. 476–479.
13. Лагашина Олеся. Марк Алданов и Лев Толстой: К проблеме рецепции. — Таллинн: TLÜ Kirjastus, 2010. — 266 с.
14. Макрушина И. В. Из прозы русской эмиграции: Марк Алданов. — Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. акад., 2007. — 143 с.
15. Орлова Ю. А. Историко-социальная повесть М. А. Алданова: проблематика, образная система, мотивные ряды: дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01. — Владивосток, 2015. — 217 с.
16. Пестерев С. К. Способы создания образа человека в малой прозе М. А. Алданова: дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01. — Томск, 2017. — 261 с.
17. Преподобный Нил Сорский. Устав о скитской жизни. — [Сергиев Посад]: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. — 80 с.
18. Прохоров Г. М. Преподобный Нил Сорский и его место в истории русской духовности // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / изд. подгот. Г. М. Прохоров. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. — С. 5–42 [Электронный ресурс]. — URL: <http://predanie.ru/prohorov-gelian-mihaylovich/book/97568-prepodobnye-nil-sorskiy-i-innokentiy-komelskiy-sochineniya> (16.03.2018).

19. Рогачевская Е. Марк Алданов в журнале «Современные записки»: финансовые и творческие аспекты сотрудничества // Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): сборник статей и материалов / под ред. Олега Коростелева и Манфреда Шрубды. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 104–119.
20. Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества. — М.: Памятники исторической мысли, 2003. — 255 с.
21. Смолич И. К. Великий старец Нил Сорский // Путь. — 1929. — № 19. — Ноябрь. — С. 57–69.
22. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15-ти кн. (29 т.). — М.: Соцэкгиз. — 1960. — Кн. 3. — (Т. 5–6). — 815 с.
23. Суражский Н. (Брешко-Брешковский Н. Н.). Четыре звена Марка Алданова (От нашего парижского корреспондента) // Для Вас. — 1934. — № 39 (22 сент.) — С. 3–4 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.russianresources.lt/archive/Bresko/Bresko_22.html (10.10.2018).
24. Уральский М. Молодой Алданов // Новый журнал. — 2018. — № 292 [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2018/292/molodoj-aldanov.html> (22.10.2018).
25. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. — М.: Московский рабочий, 1990. — 268 с.
26. Федякин С. Комментарий к Алданову. Знаменитый писатель — и «маленький человек» // Независимая газета. — 1996. — 24 авг. — С. 7.
27. Шадурский В. В. Марк Алданов — комментатор русской классики. — Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. — 111 с.
28. Grabowski Y. S. The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov. — Toronto: University of Toronto, Department of Slavic Languages and Literatures, 1969. — 405 p.

Информация об авторе: *Владимир Вячеславович Шадурский* — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Дата поступления в редакцию: 25.10.2018

Дата публикации: 29.03.2019

Vladimir V. Shadursky

(Novgorod the Great, Russian Federation)

shadvlad@mail.ru

The Poetics of the Image of Nil Sorsky in the Works of Mark Aldanov

Abstract. This article studies the image of Nil Sorsky's teaching in the works of Mark Aldanov. Some aspects of Nil Sorsky's "Tradition" and "The Monastic Statutes of Life in a Skit" become clear in his novel "Delirium". Aldanov is impressed by Nil Sorsky's conception of Man, his understanding of the reasons for man's sinfulness and his forbearing attitude toward a fallen man. The characters in the novel "Delirium" correlate their ideas about faith, freedom, and the dangers of despondency with the spiritual testament of Nil Sorsky. In the novel "Delirium" events from the end of the fifteenth century are juxtaposed to those of the twentieth century, and the medieval perception of a coming Armageddon is correlated with Aldanov's premonition of a new atomic war. In the fifteenth century the Weltanschauung of the strigolniks played havoc with the medieval man's harmonic conception of the world. In the midst of the Cold War Aldanov's characters seek consolation in Sorsky's teaching. Thanks to the inclusion of reflections on the Weltanschauung of the strigolniks in the narrative, the chronotope of the novel "Delirium" is significantly broadened, saturated with historical and cultural eventfulness. Aldanov creates heroes who overcome the tragic pathos of being due to the ethical principles of Nil Sorsky. The perception of the writings of Saint Nil for the first time in Aldanov's works leads to the emergence of the theme of spiritual transformation. Aldanov presents the teaching of Nil Sorsky as a modern, relevant, considering it an important basis of the spiritual culture of a person who survived the cataclysms of revolutions and world wars.

Keywords: Nil Sorsky, Mark Aldanov, Russian Foreign Literature, perception, image, motif, chronotope, political novel

References

1. Arkhangel'skiy A. S. *Nil Sorskiy i Vassian Patrikeev: Ikh literaturnye trudy i idei v Drevney Rusi* [Nil Sorsky and Vassian Patrikeyev: Their Literary Works and Ideas in Ancient Russia]. St. Petersburg, Tipografiya I. Voshchinskogo Publ., 1882, part 1. 320 p. (In Russ.)
2. Berdyaev N. A. *Russkaya ideya* [The Russian Idea]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1971. 258 p. (In Russ.)
3. Bobko E. I. *Traditsii L. N. Tolstogo v istoricheskoy romanistike M. A. Aldanova* [The Traditions of L. N. Tolstoy in the Historical Romance Studies of M. A. Aldanov]. Saratov, 2011. 180 p. (In Russ.)
4. Borovkova-Maykova M. S. Nil Sorsky. In: *Istoriya russkoy literatury: v 10 tomakh* [History of the Russian Literature: in 10 Vols]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1945, vol. 2, part 1, pp. 317–322.

- Available at: <http://feb-web.ru/feb/irl/default.asp?feb/irl/il0/il0.html> (accessed on October 22, 2018). (In Russ.)
5. Vishnyak M. V. «Sovremennye zapiski»: *Vospominaniya redaktora* ["Sovremennye zapiski": *Editor's Memoirs*]. Bloomington, Indiana University Publ., 1957. 336 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/vishnyak_sovremennye_zapiski_1957_text.pdf. (accessed on October 22, 2018). (In Russ.)
 6. Gorbacheva N. N. The 20th Century in M. Aldanov's Prose: Statement of the Problem. In: *Khudozhestvennaya literatura, kritika i publitsistika v sisteme dukhovnoy kul'tury* [*Fiction, Criticism and Journalism in the System of Spiritual Culture*]. Tyumen, 1997, issue 3, pp. 134–138. (In Russ.)
 7. Zhmakin V. Metropolitan Daniel and His Writings. Part 1. In: *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete* [*Readings in the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University*]. 1881, January-March, book 1, pp. 25–80. (In Russ.)
 8. Zamaleev A. F. *Intuitsii russkogo uma: Stat'i. Vystupleniya. Zametki* [*Intuitions of the Russian Mind: Articles. Speeches. Notes*]. St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2011. 216 p. (In Russ.)
 9. Zen'kovskiy V. V. *Istoriya russkoy filosofii* [*A History of Russian Philosophy*]. Akademicheskii Proekt, Raritet Publ., 2001, 880 p. (In Russ.)
 10. Iustin, Archimandrite. Instead of the Preface. In: *Prepodobnyy Nil Sorskiy. Ustav o skitskoy zhizni* [*The Monk Nil Sorsky. The Statue of the Monasterial Life*]. Sergiyev Posad, The Holy Trinity-St. Sergius Lavra Publ., 1991, pp. 3–4. (In Russ.)
 11. Karpovich M. M. Book Review: Aldanov M. *Origins*. Paris, YMCA-Press Publ., 1950, vol. 1–2. In: *Novyy zhurnal* [*The New Review*], 1950, book 24, pp. 286–288. (In Russ.)
 12. Kizevetter A. A. Aldanov M. "Devil's Bridge". Book Review: Aldanov M. *Devil's Bridge*. Berlin, Slovo Publ., 1925. In: *Sovremennye zapiski*, 1926, no. 28, pp. 476–479. (In Russ.)
 13. Lagashina Olesya. *Mark Aldanov i Lev Tolstoy: K probleme retseptsii* [*Mark Aldanov and Leo Tolstoy: to the Problem of Reception*]. Tallinn, TLÜ Kirjastus Publ., 2010. 266 p. (In Russ.)
 14. Makrushina I. V. *Iz prozy russkoy emigratsii: Mark Aldanov* [*From the Prose of Russian Emigration: Mark Aldanov*]. Sterlitamak, Sterlitamak State Pedagogical Academy Publ., 2007. 143 p. (In Russ.)
 15. Orlova Yu. A. *Istoriosofskaya povest' M. A. Aldanova: problematika, obraznaya sistema, motivnye ryady: dis. ... kand. filol. nauk* [*The Historiosophical Tale of M. A. Aldanov: Problems, Image System, Motif Series. PhD. philol. sci. diss.*]. Vladivostok, 2015. 217 p. (In Russ.)
 16. Pesterev S. K. *Sposoby sozdaniya obraza cheloveka v maloy proze M. A. Aldanova: dis. ... kand. filol. nauk* [*The Ways of Creation of an Image of the Person in the Small Prose of M. A. Aldanov. PhD. philol. sci. diss.*]. Tomsk, 2017. 261 p. (In Russ.)
 17. The Monk Nil Sorsky. *Ustav o skitskoy zhizni* [*The Statue of the Monasterial Life*]. Sergiyev Posad, The Holy Trinity-St. Sergius Lavra Publ., 1991. 80 p. (In Russ.)

18. Prokhorov G. M. The Monk Nil Sorsky and His Place in the History of Russian Spirituality. In: *Prepodobnye Nil Sorskiy i Innokentiy Komel'skiy. Sochineniya [The Monks Nil Sorsky and Innokentiy Komelsky. Writings]*. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2005, pp. 5–42. Available at: <http://predanie.ru/prohorov-gelian-mihaylovich/book/97568-prepodobnye-nil-sorskiy-i-innokentiy-komelskiy-sochineniya> (accessed on March 16, 2018). (In Russ.)
19. Rogachevskaya E. Mark Aldanov in the Journal “Sovremennye zapiski”: Financial and Creative Aspects of Cooperation. In: *Vokrug redaktsionnogo arkhiva «Sovremennykh zapisok» (Parizh, 1920–1940): Sbornik statey i materialov [On the Editorial Archive of “Sovremennye zapiski” (Paris, 1920–1940): The Collection of Articles and Materials]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, pp. 104–119. (In Russ.)
20. Romanenko E. V. *Nil Sorskiy i traditsii russkogo monashestva [Nil Sorsky and Traditions of Russian Monasticism]*. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2003. 255 p. (In Russ.)
21. Smolich I. K. Great Elder Nil Sorsky. In: *Put'*, 1929, no. 19, pp. 57–69. (In Russ.)
22. Solovyov S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen: v 15 knigakh (29 tomakh). [History of Russia Since Ancient Times: in 15 Books (29 Vols)]*. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1960, book 3, vol. 5–6. 815 p. (In Russ.)
23. Surazhskiy N. (Breshko-Breshkovskiy N. N.). Four Links of Mark Aldanov (According to Our Paris Correspondent). In: *Dlya Vas*, 1934, no. 39, 22 September, pp. 3–4. Available at: http://www.russianresources.lt/archive/Breshko/Bresko_22.html (accessed on October 10, 2018). (In Russ.)
24. Ural'skiy M. Young Aldanov. In: *Novyy zhurnal [The New Review]*, 2018, no. 292. Available at: <http://magazines.russ.ru/nj/2018/292/molodoj-aldanov.html> (accessed on October 22, 2018). (In Russ.)
25. Fedotov G. P. *Svyatye Drevney Rusi [Saints of Ancient Russia]*. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1990. 268 p. (In Russ.)
26. Fedyakin S. A Commentary on Aldanov. The Famous Writer — and the “Little Man”. In: *Nezavisimaya gazeta*, 1996, 24 August, p. 7. (In Russ.)
27. Shadurskiy V. V. *Mark Aldanov — kommentator russkoy klassiki [Mark Aldanov as a Commentator of the Russian Classics]*. Novgorod the Great, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2016. 111 p. (In Russ.)
28. Grabowski Y. S. *The Makers and Making of History in the Works of Mark Aldanov*. Toronto, University of Toronto Publ., Department of Slavic Languages and Literatures Publ., 1969. 405 p. (In English)

Information about the author: *Shadursky Vladimir V.* — PhD. in Philology, Associate Professor at the Department of the Russian and Foreign Literature of The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Received: October 25, 2018

Date of publication: March 29, 2019